

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов

I

Было около семи часов утра. Петербург просыпался. По одной из улиц Васильевского острова скорыми, неровными шагами шла молодая женщина. Боязливые взгляды ее и желание скрыть в меховой воротник салона лицо показывали, что она не привыкла к таким ранним прогулкам и что только необходимость заставила ее выйти в такое время. Черты лица ее выражали страшное волнение; одежда была в беспорядке, волосы беспрестанно выбивались из-под шляпки и играли с ветром, что придавало ей какой-то странный и вместе привлекательный вид. Несмотря на беспокорство и тревогу душевную, проглядывавшие из каждой черты незнакомки, нельзя было не обратить внимания на красоту ее... Пройдя несколько улиц, она наконец вошла в ворота огромного пятиэтажного дома и быстро взбежала по крутой лестнице на самый верх.

– Боже! подкрепи меня, помоги мне! – прошептала она и дрожащей рукой прикоснулась к колокольчику.

– Ах, кого я вижу! Я никак не думал... так рано... – сказал седенький старичок, отворяя дверь и низко кланяясь.

Из довольно неопрятной прихожей, которая, по-видимому, служила и кухней, незнакомка вошла за хозяином в другую комнату, в которой с первого взгляда поражала необычайная бедность. Третью комнату была отгорожена плохими ширмами, склеенными из прошлогодних номеров газет, за которыми была постель хозяина. По стенам стояло несколько стульев, кожаные подушки которых были во многих местах прорваны; на стене висели закопченные часы с железными гириями. На единственном столике первое место занимали счеты, далее книга о переложении ассигнаций на серебро и две копеечные сигары. На одном из стульев лежало парадное одеяние хозяина, прикрытое шинелью горохового цвета, с множеством маленьких воротничков.

Войдя в свою приемную, седенький человек снова раскланялся. Он был в худом халате и медных очках; лицо его было желто и морщинисто, в глазах решительно не было никакого выражения, нижняя губа качалась, как старая ставня, полусорванная ветром с крючков. Что-то низков, что-то невыразимо отвратительное было в его лице, так что, взглянув на него однажды, трудно, кажется, решиться взглянуть в другой раз. На ногах старика были старые медвежьи галоши, на которые падала верхняя часть грязных носков и которые застучали каким-то странным образом, когда он подошел к незнакомке.

– Какому счастливому случаю обязан я вашим посещением? – сказал он, стараясь улыбнуться как можно приятнее.

– Ах, господин Корчинский! не счастливому, а несчастному... Мужу моему всё хуже и хуже... Дела наши в расстройстве... работы нет... да и работники ушли... Мы напрасно содержим такую большую квартиру...

– Перемените.

– Денег у нас нет. Мне не хотелось бы, чтоб больной муж догадался о нашем горестном положении... Помощи просить не у кого... На вас я могла надеяться, вы прежде так много для нас делали. Но вы что-то охладели к нам, как муж захворал...

– Но позвольте вам заметить, прекрасная Амалия, что я и теперь для вас много, очень много делаю. Конечно, я прежде давал вам деньги по векселю, потом даже без векселя, но потом, прошу не прогневаться... хоть мы и короткие знакомые, а когда я увидел, что дела ваши в расстройстве, я счел нужным не давать вам денег иначе как под верный залог. У меня такое правило, да и для вас лучше.

– Я переносила к вам во время болезни мужа все вещи, какие только были лишние...

– И, верно, помните, что я за всякую давал вам деньги?

– Но теперь наконец мне нечего дать вам под заклад...

- - Очень жаль.
- - И я пришла попросить у вас несколько денег на честное слово...
- - Но могу-с.
- - Муж мой при смерти; ему нужны скорые пособия; дети плачут и просят хлеба, а у нас нет его... Боже мой! Что, если их вопли дойдут до слуха моего бедного франца... о, это убьет его!
- - Ничего-с. Не убьет.
- - Дайте же, ради бога, мне хоть немного денег, чтоб я могла купить лекарства мужу и накормить детей... Ваше не пропадет: вещи, которые я у вас заложила, стоят гораздо больше.
- - Но они и без того принадлежат мне. Осмелюсь напомнить вам, сударыня, что срок выкупа давно прошел...
- - Итак, вы решительно отказываете?
- - Как можно! Принесите заклад - и возьмите сколько угодно...
- - Можно ли поступать так безжалостно! А мы еще считали вас своим благодетелем.
- - Гм! благодетелем! Да разве я дурак какой... последний, кровный грош отдавать. Я сам бедный человек, сударыня... чуть с голоду не умираю... Ох, деньги, деньги! Кто их выдумал? Если б бог сжалился над моим нищенским положением да послал мне наследство... А то - откуда мне взять? Того и гляди с квартиры сгонят, а вы еще денег просите, сударыня, да без залога... Я теперь сам в бедственном положении и, извините меня, сударыня, осмелюсь вам напомнить, что срок векселя, тово... прошел... а мне ждать нельзя.

Телодвижения и выражение лица Корчинского во время этого монолога были в высшей степени занимательны. Он то вздыхал, то взглядывал на небо, то потирал руки и улыбался; наконец, произнося последние слова, он с каким-то торжественным смирением, из которого проглядывала тайная злость, взглянул на переплетчицу.

- - Денег я зам не дам; мало того, я сделаю с вами то, чего вы не ожидаете... векселя срок кончился... понимаете?

Последние слова его сильно поразили бедную женщину, и она воскликнула с изумлением:

- - Что это значит, господин Корчинский?.. По крайней мере, этого я не могла ожидать от вас. За что же вы вдруг сделались из нашего друга злейшим врагом нашим?
- - Пора вам всё объяснить, сударыня. Я никогда не был вашим другом; я не такой дурак, чтоб рисковать деньгами для дружбы... я всегда желал вам зла, я даже старался и... успел сделать вам зло.
- - За что же, за что?
- - А вот за что. Помните ли вы тот вечер, когда в первый раз я зашел в ваш дом и сделал вам предложение...
- - Но вы сами после сказали, что это была шутка.
- - Нет, то была не шутка. Я вас любил, очень любил, сударыня. Я вам скажу, я тогда ночей не спал... хлеба в экономии по фунту в день оставалось, а однажды... о, этого я никогда вам не прощу, сударыня... я обчелся в процентах... может быть, я бы теперь не принужден был один хлеб есть...
- - Полноте, у вас много денег.
- - Много денег? Кто вам это сказал? - воскликнул Корчинский, изменившись в

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
лице. – Много денег! Господи боже мой! Вот живи, мучься, трудись, а другие еще говорят, что ты богатый человек... Богатый! Да кабы я был богатый человек, сударыня, я бы нанял себе квартиру в четвертом этаже... я бы взял служанку, а не стал бы сам ходить в лавочку за корюшкой... она бы мне принесла... Богатый! Кто вам это сказал? Скажите тому, что он лжет, выдумывает! Кабы я был богат, может быть, и вы бы не отказали, сударыня...

– – Ошибаетесь...

– – А то вы, сказать просто, переплетчица, больше ничего... а что вы со мной сделали?

– – Но вы тогда всё простили и сделались нашим другом...

– – Нет, я не простил; я только спрятал мою обиду, как залог мести, для того чтобы после получить с процентами! Меня обидеть – но кого другого; пришло время теперь... и я, во-первых, начну с того, что подам ко взысканию вексель, имущество ваше продадут в мою пользу с аукциона, а вашего мужа засадят в тюрьму... уж я постараюсь...

– – Боже мой! какую змею грели мы у сердца! жестокий, бесчеловечный злодеи!

– – Не бранитесь, сударыня, я еще вам понадоблюсь...

– – О, что мне делать? Как я покажусь домой... Какое ужасное положение!..

– – Не отчаивайтесь, сударыня, всё может поправиться... Согласитесь только... вы знаете, я еще люблю вас; я разорву вексель, возвращу вещи, дам денег, последнее имущество иродам...

– – Никогда, никогда! – воскликнула женщина и побежала к двери.

– – Ждите, я скоро буду! скоро придут описывать ваше имение, а муженька поведут в тюрьму... радуйтесь там на него! – говорил старик вслед уходящей женщине. – "Какой глупый народ! – думал он про себя. – Я и так для нее делаю то, чего бы ни для кого не сделал... Шутка ли разорвать вексель в тысячу рублей, отдать вещи... дать денег... и она смеет упрячиться!.." Тут снова послышался звонок. Вошел человек со свертком под мышкой.

– – Что вам угодно?

– – Вы изволите давать деньги под ручные залого?

– – Ох, времена нынче круты. Всё дорого, денег ни у кого нет. Ох, куда их доставать трудно!

– – Потрудитесь сказать, сколько вы можете дать под залог этих вещей?

Корчинский стал рассматривать вещи, подносил их к свету, взвешивал на руке, осматривал со всех сторон и мысленно делал им оценку.

– – Вещи стоят не более трехсот рублей... Сто рублей можно дать. Вам на сколько времени?..

– – На три месяца.

– – На три... но двадцати процентов в месяц... со ста – шестьдесят рублей... проценты вперед, а сорок рублей чистыми деньгами получите. Угодно?

– – Помилуйте, как можно!

– – Ну так прибавьте еще что-нибудь, если вам больше денег требуется. За деньгами дело не станет; я сейчас добуду, а вы мне дадите записочку, что если в продолжение срока вещей не выкупите, то они делаются моею собственностью. Понимаете?

И у них начался продолжительный разговор. Послышался снова звонок, вошел другой посетитель за такой же нуждой, потом третий, и в несколько минут комната

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru наполнилась посетителями. Корчинский давал деньги, принимал заклады и был совершенно в своей сфере. Пока он занят такими важными делами, я расскажу вам, что он за человек.

В молодости он служил в статской службе и дошел силою своего гения до чина титулярного советника. Дальше он не ходил и вышел в отставку, потому что не был честолюбив. Силы души его сосредоточивались на другой точке, на стремлении к благоприобретению. Весь свой век он кланялся и пресмыкался перед этим обманчивым кумиром, который люди, неизвестно почему, называют золотом. Рано понял он цену денег и то, как без них плохо на земле человеку. Зная очень хорошо пословицу, что перед смертью не наживешься, он смолodu начал копить денежку всеми возможными средствами. Средства были часто низкие и непозволительные, но Иосифу Казимировичу как-то всё удачно с рук сходило. Только однажды он ужасно ошибся в расчете. Чтоб разом разбогатеть, он считал женитьбу самой выгодной спекуляцией. Долго искал он по себе невесты, но богатых за него не отдавали. Наконец он вздумал подняться на самую отчаянную штуку. В губернском городе, где он служил, был богатый помещик с хорошенькой племянницей. Приняв в соображение то, что у помещика, кроме племянницы, родственников близких нет и что, следовательно, всё его имение должно достаться ей, Корчинский стал тайно ухаживать за племянницей и разыгрывать роль пламенного обожателя. План его был такой: "Дядя не согласится отдать ее за меня, так его согласия мне и не нужно: я увезу ее и обвенчаюсь тайно. Дядя посердится, но делать будет нечего, он простит, и тогда - я сам себе пан!" Всё так и случилось. Корчинский ошибся только в последнем пункте: дядя не пустил к себе и на глаза новобрачных. Корчинский уехал в Петербург от огласки, всё еще надеясь на прощение дяди. Тут он беспрестанно заставлял жену писать письма к дяде, но на них не было никакого ответа. Грустно было бедной жене видеть, как много ее муж хлопочет о ее наследстве, но пока положение ее было всё еще сносно. Вдруг она получила от управляющего известие, что дядя ее умер, не простив ее, и отказал всё имение своим дальним родственникам. Корчинского это известие привело почти в безумие; сначала он плакал, потом, в пылу отчаяния, бросился изливать гнев свой на несчастную жену. С того дня жизнь ее стала мучительною. Не проходило часа, в который бы обманутое корыстолюбие мужа не поражало бедной жертвы. Он попрекал ее каждым куском хлеба; он говорил, что если б не она, он был бы теперь богатым человеком. Наконец он просто стал ее гнать из дому. Мучения бедной женщины час от часу возрастали. Она бы охотно ушла от мужа, но ее связывал сын, которого она любила как первенца всею силою души. С христианским смирением решила она сносить все оскорбления корыстолюбца, но их сносить не было возможности. Неистовство его дошло до последней крайности: он уже не довольствовался упреками и бранию, он не раз заносил свою нечистую руку на бедную страдальницу. Она предложила ему добровольно оставить его дом, если он отдаст ей сына или по крайней мере изредка позволит навещать его. Но злодей отказал и только удвоил мучения, какими терзал бедную жертву... Тогда, полубольная, убитая горем и отчаянием, в одну ночь она взяла на руки бедного малютку и с молитвою на устах тихонько ушла и:) дому злодея. Ее бегству Корчинский был рад, но ему жаль стало сына, на котором основывал он много надежд в будущем. Однако ж он скоро утешился и только изредка с горестью вспоминал о сыне. Страсть к деньгам беспрестанно в нем возрастала, по мере того как уничтожались последние остатки благородства душевного. Скоро душа его совершенно зачерствела; ни одного человеческого чувства не осталось в ней: ее можно было смело назвать приходе-расходной книгой, так ясно, четко и отчетливо хранила она то, что составляло беспрестанную мечту ее хозяина. Корчинский вскоре приобрел известность человека, у которого можно во всякое время достать денег, а где такие люди не нужны? Вот уж тридцать лет пользуется он этою известностью, но доставляет ли она ему выгоду - то один он знает. Бедная жизнь его, беспрестанные жалобы на нищету, жадность, с которой он смотрит на золото, - всё это располагает более к мысли, что он несчастлив на своем поприще, которое проходит со славой. Что касается до внутренней его жизни, то тут встречается та же картина. Темно, черно, холодно. Душа закалилась, замерзла, зачерствела, ничем невозможно было разбудить ее. Она спала себе, сердечная, сном мертвых... Страсти тоже спали, но наконец случилось что-то похожее на их пробуждение. Не с большим за год до начала нашего рассказа случайно встретил он переплетчицу Амалию Гинде, которую мы видели в первой сцене, и любовь, которой он не чувствовал ни к чему, кроме золота, вдруг ущипнула сердце почтенного старца. Он, может быть, в первый раз в жизни решился чем-нибудь пожертвовать для своей прихоти и с самоуверенностью богатого человека, избрав благоприятное время, отправился к Амалии. Каково было его удивление, какова была его злость, когда, вместо ответа на его учтивые и открытые предложения, он увидел, что переплетчица замахнулась и готова была дать ему пощечину. Первым делом его было отвратить удар, вторым - обратить всё в

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
шутку. Душа у него, несмотря на ее ничтожность, была мстительная и злая в высшей степени, кроме того, ему не хотелось отказаться от мысли когда-нибудь владеть переплетчицей, и потому он сейчас составил план, которым надеялся всего достигнуть. Он свел знакомство с ее мужем, был к нему и к его семейству чрезвычайно ласков к заставил их совершенно себе довериться. Франц жил бедно; рабочая его была очень мала и в отдаленной части города, отчего работы было мало. Корчинский, под видом истинного участия, предложил ему тысячу рублей на год без процентов, для того чтоб он мог хорошенько устроить свои дела. Переплетчик принял деньги с благодарностью, нанял обширную мастерскую, набрал учеников и работников, но дела его шли по-прежнему плохо, работы почти не прибавилось; ростовщик втайне этому радовался. К концу года Франц довольно опасно захворал, и тогда положение дел его становилось час от часу затруднительней. Мастерские разошлись за недостатком работы, Францу всё было хуже и хуже. Амалия, которая всей душой любила мужа, старалась предупреждать все его желания, скрывала от него их возрастающую бедность. Ночи не спала она за работой, чтобы прокормить себя, мужа и двух детей. Сначала Корчинский помогал ей деньгами, без всякого обеспечения. Потом, руководствуясь первоначальным тайным планом, стал требовать залога. Он хотел довести бедное семейство до крайней степени нищеты и тогда уже начать действовать. Он успел в том; мы видели, как он обошелся в последний раз с несчастной Амалией и каково ее положение. Окончив дела с посетителями, Корчинский надел фрак, положил в карман какие-то бумаги, взял трость и шляпу и вышел на улицу. "Надо предъявить вексель переплетчика, - думал он про себя, - пора всё кончить чем-нибудь; если она не... так, но крайней мере, я получу обратно деньги, пока она не распродала еще всего своего заведения",

II

Спустя два дни после сцены, описанной в начале рассказа, Амалия с глазами красными от слез и притворно веселой улыбкой сидело у постели своего мужа. Франц был бледен как полотно и худ как скелет. По временам он бросал на жену дикие взгляды, выражающие болезненное состояние тела и расстройство сил души.

- - Что же так редко ездит доктор, вот уж пять дней он не был. Ты бы послала ему денег, Амалия.

- - Послала, мой друг, уже будет.

- - Ах, боже мой! как мне вдруг душно сделалось; расстегни воротник, Амалия.

- - Он расстегнут, мой друг...

- - Ах, это медальон меня давит, он как-то неловко лежит.

- - Да ты бы снял его покуда; он довольно велик; тебе неловко...

- - Нет, не сниму; он дорог моему сердцу, пусть же всегда хранится у сердца... - Франц дрожащей рукой взял бывший у него на груди золотой медальон, поднес его к губам и снова положил на грудь...

- - Что это дети там плачут, ты бы купила им чего полакомиться, - продолжал он, прислушиваясь к шуму в соседней комнате.

- - Ах, как меня вдруг сдавило; душно, душно... пошли за лекарем, Амалия.

- - Сейчас, мой друг. - Амалия отвернулась и отерла слезы. Душа ее невыразимо страдала. Тут муж, больной, умирающий, которому нечем помочь, который живет еще только потому, что не знает всей глубины своего несчастья, там дети, которые ждут хлеба... Кроме того, ужасные слова Корчинского: "Ждите, я скоро буду!" - не выходят из головы ее...

- - Мама, мама! что ж ты обещала мне беленького хлебца... я очень есть хочу, - сказала маленькая девочка, вбегая в комнату...

- - Тише, тише, - отвечала мать, - пойдем, я дам. - Она взглянула на мужа, который несколько забылся, и вышла.

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

- - Погоди, душенька, ради бога; скоро будет, погоди, милочка...

- - Ах, мама, да долго ли ждать?

Тут вошел мальчик немного постарше с той же просьбой...

- - Я пойду к папа просить хлеба, ты, мама, нынче такая скупая,- сказал он.

- - И я с тобой.

- - Не ходите, молчать! Если вы это сделаете, я вас за книгу на целый день... я вам еще два дни ничего не дам! - быстро произнесла несчастная мать в испуге...

- - Маменька, милочка, ведь нам еще сегодня ничего есть не давали, а мы хорошо знаем уроки, хоть сейчас спросите,- говорили дети со слезами. Амалия горько зарыдала.

- - Побудьте здесь, дети, сидите смирно и не шалите, я зато дам вам уже обедать,- сказала Амалия и пошла к мужу.

Она удивилась спокойному выражению его лица. Казалось, сон, которым он теперь наслаждался, укрепляет его. Амалия вздохнула свободнее и мысленно просила бога сжалиться над их положением. Прошло около часа, больной спал. Амалия задумчиво смотрела на его лицо и тихо плакала.

- - Мама, мама! к нам пришли какие-то двое, такие сердитые, спрашивают папу,- сказал вбежавший мальчик.

Амалия изменилась в лицо. С отчаянием взглянула она на спящего мужа и вышла.

Люди, о которых говорил мальчик, были исполнители закона. Они объявили, что так как переплетчик Гинде не платит по векселю долга, то им поручено описать и запечатать всё имущество, которое назначено к продаже с публичного торга.

- - Делайте что хотите,- сказала Амалия,- только, ради бога, не слишком шумите и не говорите ничего моему мужу: он при смерти... Вот вам ключи от всего; вот ход в мастерскую, там все инструменты.

Исполнители закона принялись за дело. Вскоре пришел и Корчинский.

- - Что, каково? не говорил я, что это будет, а? - сказал он с злобной усмешкой, громким голосом.

- - Ради бога, не кричите; муж мой заснул... Он не спал больше недоли...

- - Ничего, ничего, что он за неженка... Что, господа, много вещей оказывается?

- - Немного.

- - Тем лучше. Дольше ему не выйти из-под моей опеки... я буду платить кормовые деньги. И вы, >сударыня, если хотите, последуйте за своим мужем, я и за вас, так и быть, заплачу... Вы же его так любите... что же, не мешает, последуйте.

- - Куда?

- - В тюрьму, сударыня. Я бедный человек, но для вас последней копейки не пожалю.

- - Ужасный человек! Вы поступили низко, вы выбрали ужасное время для своей мести...

- - Что ж, господа, вы остановились?

- - Опись кончена.

- - Эге! что вы, господа? кончена!.. Были ли вы в той комнате? - сказал старик, показывая на спальню франца.

– – Нет.

– – Клянусь богом, – сказала Амалия в сильном волнении, – там ничего нет, кроме необходимых вещей больного, которых вы не имеете права отнимать.

– – Господа, я требую, чтоб спальня была осмотрена; иначе я не признаю верною описи.

– – Ради бога, не ходите туда. Вы разбудите франца, вы убьете его: он ничего не ожидает, он и не подозревает, что мы в таком ужасном положении...

– – Тем лучше, тем лучше... Он услышит приятную нечаянность. – Старик дьявольски весело произнес эти слова, так что Амалия лишилась последнего присутствия духа.

– – Господа, исполняйте свою должность. Исполнители сделали несколько шагов вперед.

– – Жестокий человек... сжался! Что ты делаешь? Ты хочешь убить его...

– – Что его убивать, когда он и так на ладан дышит...

– – Но ему стало лучше. Он заснул... О, сжался, ради бога.

И Амалия готова была упасть на колена перед подлым стариком, который потирал руки от удовольствия.

– – Что ж вы, господа, остановились? – сказал он. Исполнители сделали еще несколько шагов. Амалия в отчаянии ломала руки и умоляла старика.

– – Ха-ха-ха! вот забавно! Как будто я по своему распоряжению. Заплатите по векселю... не заставляйте бедного человека потерять его достоинства. Что я за богач такой, чтоб дарить по тысяче... И за что, смею спросить? Разве за то... помните, госпожа переплетчица? Тогда вы и смотреть не хотели, куда как расходилась в вас добродетель... А теперь, ну, теперь моя очередь... Не вечно коту масленица... Ха! ха! ха! Право, очень приятно получать свое с процентами.

– – Сжался! – повторила Амалия...

– – Право, уж теперь почти поздно, сударыня, однако ж, так и быть, в последний раз... Послушайте. Муж ваш не сегодня завтра умрет, теперь, видите, дело другое... послушайте...

Он отвел Амалию в сторону и шепотом сказал ей несколько слов.

– – Никогда, никогда! – воскликнула Амалия, с ужасом отскакивая от старика. Глаза ее пылали гневом и презрением.

– – Господа, исполняйте же свою должность! – сказал с досадой старик и потел вперед исполнителей к спальне франца.

– – Я не пушу вас! – воскликнула Амалия отчаянно и стала неподвижно у дверей спальни.

– – Вот еще какие штуки! Предписание налицо: за неплатеж по векселю описать и опечатать все вещи, находящиеся у переплетного мастера Гинде... Пустите, сударыня.

– – Господа, вы не должны его слушать, он зол на нас. Придите в другой раз. Теперь вы можете нарушить сон больного, можете повредить его исцелению.

– – Ха-ха! Какая важная причина откладывать формальные предписания! Ха-ха!

– – Амалия, что там за шум? Поди сюда, Амалия! – < слышался слабый голос из спальни.

– – Ради бога, замолчите! – сказала Амалия и пошла к мужу.

– – Что же так долго нет доктора? Вот мне теперь легче. Может быть, с его помощью я скоро бы оправился...

– – Скоро будет, мой друг.

Тут показалась в дверях седая голова ростовщика, и за ним вошли исполнители. Крайний ужас и гнев обезобразил лицо Амалии. Она не знала, что делать; то она готова была броситься и растерзать их, то хотела упасть перед ними на кодека...

– – Здравствуйте, Иосиф Казимирович! Вы в первый раз посетили меня больного; благодарю вас.

– – Посетил, и, надеюсь, посещение мое доставит вам крайнее удовольствие.

– – Я всегда думал так, потому что считал вас моим другом.

– – Дудки, господин переплетчик\ с чего вы взяли, что я ваш друг... Вы думаете, что я пришел кинуть у вашей постели и охотиться вместе с вами; нет, я бедный человек, мне некогда заниматься таким пустодейством. Я пришел за долгом, господин переплетчик...

– – Что значит такая перемена, Иосиф Казимирович?

– – Ничего, так, спросите вашу жену. Знаете ли вы...

138

Амалия умоляющим взором взглянула на старика.

– – Знаете ли вы, почтенный, – хладнокровно продолжал старик, – что я пришел присутствовать при описи вашего имения...

– – как так? – спросил больной с сильным беспокойством.

– – Готовьтесь в тюрьму, , господин Гинде, – продолжал ростовщик тем же убийственным тоном, насмешливо поглядывая на Амалию.

– – Что вы говорите?

– – Я представил ваш вексель ко взысканию.

– – Но разве вы забыли, что обещали отсрочить...

– – То на словах, а не на бумаге. Мне только того и нужно было, чтоб заставить вас платить, когда у вас денег нет... Ведь нет, любезная Амалия? – прибавил старик насмешливо.

– – Но я надеюсь, что я еще в состоянии собрать такую сумму, если вы не шутите...

– – Я шучу! Собрать сумму в тысячу рублей! Так вы богатый человек, господин переплетчик... отчего же ваши дети умирают с голоду, а вы, прекрасная Амалия, с позволения сказать, до света бегаєте к бедным людям за деньгами... О, да вы притворщица, сударыня!

И старик опять навел на нее свой злобно-насмешливый взгляд. Амалия отвернулась: в эту минуту старик показался ей гнусен до отвращения...

– – Амалия! правду ли он говорит? Дети мне говорили, что они по дню голодают, что ты ночи просиживаешь за работой... Правда ли? говори! – сказал Франц слабым, дрожащим голосом...

– – Нет, мой друг, будь спокоен, – сказала Амалия, стараясь придать своему голосу как можно более твердости.

– – Не верьте. послушайте меня, я лучше вас знаю, что делается у вас в доме. Я вам всё расскажу; а вы, господа, – прибавил старик, обращаясь к исполнителям, – занимайтесь своим делом. Слушайте.

Старик с мучительными подробностями, с отвратительной откровенностью начал рассказывать, как его взбесила глупая добродетель Амалии, как он обманул Франца

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
ложной доверенностью; как его жена унижалась перед ним, выпрашивая денег, как он всё открыл ей и как теперь он, наконец, поставил франца в такое положение, что кроме петли или тюрьмы ему не на что надеяться, а его семейству нужно или умереть с голоду, или идти по миру. Корчинский говорил но обыкновению своим насмешливым тоном: ему весело было мучить Амалию, которая слушала в каком-то бесчувственном положении и только иногда с отчаянием взглядывала на мужа. Франц по мере рассказа старика становился мрачнее. Ужасную пытку переносила душа ея. Он беспредельно любил Амалию и свое семейство, готов был всем жертвовать для их счастья. И вдруг перед ним самыми черными красками нарисовалась картина страданий, нужд и лишений любимцев сердца его. Страшно возмутила эта картина его больное воображение. Мысль, что он своими требованиями увеличивал их бедствия, заставляя отказывать себе во всем для него, ужасала его душу.

Старик, окончив свой рассказ, громко засмеялся и прибавил:

– Отец в тюрьму, семейство по миру, славный карьер! Благодарите вашу жену, господин Гинде...

– Так, так... всё правда, – произнес Франц отчаянно, – мучь меня, старик. Нет ли у тебя еще чего? Добей меня одним разом... я стою того. Но за что они страдают? О Амалия! Я недостойн тебя! Я забыл, что не приготовил ничего, что был бесполезен семейству и отнимал у него последний кусок хлеба, как будто я ему дал его... Да, я достоин всего... ужасно!.. Амалия, поддержи мою голову... мне дурно, душно.

И больной упал на подушки. Лицо его было страшно, голова горела, глаза сверкали диким огнем. С минуту был он безмолвен, потом скороговоркою начал произносить невнятные слова.

– Что вы сделали! Вы убили его! – тихо сказала Амалия.

– Ничего. Рано ли, поздно ли, надо всем умирать...

– Надо умирать! – повторил больной. Лицо старика побледнело: так страшно были сказаны эти слова. Однако ж он скоро опомнился.

– Что, господа, совсем?

– Давно кончили, – отвечали исполнители.

– Пора домой, обедать... скоро четыре... Прощайте, господин переплетчик, желаю вам поскорей перейти на новую квартиру.

– В тюрьму, в тюрьму! – вскричал больной, в ужасе подымаясь с постели.

– Успокойся, франц, ляг, – сказала Амалия.

Час от часу больному становилось хуже.

Амалия молилась жарко, пламенно. Страдания ее были ужасны: она видела постепенно разрушающуюся жизнь мужа и не имела средств помочь ему. Дни и ночи проводила она у постели больного, без сна, без пищи, не откликаясь даже на плач детей, которые умирали от голода. Наступил пятый день после сцены со стариком. Больному сделалось еще хуже. Амалия целуй день провела в какой-то борьбе с собою у постели мужа.

Грустны были ее мысли. Может быть, это последний его день, думала она. Может быть, только скорые пособия могут возвратить его к жизни. Пройдет день и тогда уже – созови всех врачей, употреби все средства, истрать миллион золота – всё будет напрасно! "Дорог день, дорог час, дорога минута!" – почти вскричала Амалия и с какой-то отчаянной решимостью раскрыла грудь мужа, который был в совершенном бессмятстве... Она отвязала от его шеи золотой медальон... "Боже! прости меня, помоги мне!" – сказала она и быстро выбежала на улицу.

III

Было уже около восьми часов вечера, а у скупого ростовщика в обыкновенной его приемной не было еще огня. Комната была пуста, хотя по лежавшей на столе шляпе и

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
палке можно было заключить, что хозяин дома. Из-за ширмы узким лучом проглядывал свет, но за ширмой огня не было. Послышался звонок. Вдали раздался шум; за ширмой что-то скрипнуло, раздался звук, похожий на звук запираемого замка, и в комнату явилась испуганная фигура Корчинского, со свечой в руке. Он оправился, отпер дверь и впустил Амалию, бледную и едва стоящую на ногах от усталости и душевного волнения. Случайно или неслучайно свеча в руке его пошатнулась и погасла.

– – Вот, я принесла вам заклад; ради бога, дайте денег; муж при смерти – я побегу сейчас к доктору... Скорее, господин Корчинский! – сказала переплетчица скороговоркою.

– – Не торопитесь, любезная гостья... Муж ваш не умрет, покуда мы с вами... Побеседуем. Ну что, не говорил ли я, что вы еще придете ко мне?

– – Мне некогда, говорю вам, некогда. Скажите, дадите вы денег или нет?..

– – Ха-ха! разумеется, дам. Я бедный человек: мне бы нельзя жить было, если б я отказывал... Сколько угодно, если вещь хорошая и мы сойдемся в условиях.

– – Говорите же их, говорите!

Старик взял руку Амалии и крепко пожал ее.

– – Пора нам помириться, сударыня.– И он снова пожал руку Амалии. Она вырвала ее и отскочила. В глазах старика засверкало пламя.

– – Низкий человек! Только отчаяние привело меня к вам. Если б я знала, где скоро достать денег, я бы скорее согласилась на коленях вымаливать их, чем унижаться перед бездушным злодеем.

– – Я не злодей, сударыня, – перебил Корчинский, обидясь, – я не топлю по ночам людей в проруби, не вытаскиваю платков из кармана, не делаю фальшивых депозитных билетов; я в штрафах и под судом не бывал... Если б тут был свидетель, вы бы дорого поплатились за оскорбление моей личности...

– – Я пришла к вам за делом; мне дорога минута... Скажите решительно: дадите ли вы мне денег? Окончим скорее, или я уйду...

И бедная Амалия в мучительной борьбе, ломая руки, пошла к двери. Медленность старика терзала ее душу.

– – Пойдите, сударыня. Да, я забыл, на что вам деньги.

– – Да боже мой! Разве я не сказала, что мой муж умирает без помощи...

– – Признаюсь, после ваших обидных слов, мне бы не хотелось давать вам деньги. Но у меня правило: никому под верный залог не отказывать... Позвольте посмотреть вещицу... что за сокровище такое.

Старик засветил свечу. Амалия дрожащей рукою подала ему медальон...

– – Ну, он того... не очень тяжел... однако ж, вещица изрядная... можно под нее дать рубликов сто, если золото настоящее, – сказал ростовщик, взвешивая медальон на руке...

– – Посмотрим, – повторил он и поднес медальон к свече... Несколько минут он внимательно рассматривал его и вдруг в изумлении спросил:

– – Где взяли вы этот медальон, сударыня?

– – У моего мужа.

– – Где взял его ваш муж?

– – Он его собственность, он его драгоценность, с которой он не расставался всю жизнь... Вы, вы довели нас до того, что я решилась похитить у него его сокровище; разлучить его на смертном одре с портретами его отца и матери...

Старик снова пристально взглянул на медальон.

– – Точно ли вы знаете, что это портреты его родителей? – спросил он.

– – О да. Все знают, что он не сын Гинде... Но, ради бога, господин Корчинский, скорее; пока мы здесь, он может умереть: я оставила его почти при смерти...

– – Пойдем, пойдем! Я всё для него сделаю! – отрывисто вскричал ростовщик и побежал к двери... Амалия последовала за ним...

Корчинский был в сильном волнении. На лице его можно было прочесть такие чувства, каких оно, может быть, никогда еще не выражало. Быстро, почти бегом, шел он к квартире переплетчика. Амалия едва успевала за ним следовать...

– – Мама, мама! что ж ты оставила папу, он всё звал тебя... стонал, а теперь он такой страшный: ничего не говорит, не двигается, даже не дышит, такой бледный, страшный, – в испуге сказал сын франца, когда Амалия с Корчинский пришла домой...

– – Он умер, умер! – произнесла Амалия с ужасом.

– – Умер! – повторил Корчинский отчаянно.

Они кинулись в спальню франца. Франц был мертв. Старик схватил стоявшую на столе свечу, поднес ее к лицу покойника и стал вглядываться в его черты...

– – Он, он! – дико вскричал старик...

– – Ты – его убийца! – произнесла Амалия и без чувств упала на труп мужа...

Старик взял себя за голову, страшно покачал ею и с буйным, безумным криком выбежал из дома.

IV

Через несколько дней в одном из пятиэтажных домов Васильевского острова в верхнем этаже происходила следующая сцена. Квартальный осматривал вещи и мебель, а писец по его диктовке записывал их. Опись начиналась так: "После скоропостижно случившегося сумасшествия чиновника 9 класса ("Оставьте место, – заметил тут квартальный, – надо справиться об имени и отчестве рехнувшегося") остались пожитки следующего содержания..." Квартальный, осматривая вещи, беспрестанно приходил в удивление. Он, например, распорол подушку ветхого стула, для того чтоб удостовериться, чем она набита, а оттуда посыпалось золото. Далее, он расшил истасканный тюфяк, по той же причине, и увидел, что в нем с угла пучками положены были ассигнации. Он толкнул ногой старые медвежьи галоши, – они издали металлический звук: оказалось, что и в них под кожей деньги.

– – Что за оказия! – говорил Семен Семенович. – Этакого удивления на моем веку еще не было! Ба! да тут дверь... заперта... надо ее осмотреть... рехнувшийся-то всё нанимал, – раздался из-за ширмы голос квартального.

– – Видно, нежилая комната, – сказал писарь.

– – Однако и ее надо обозреть для порядка; сбегайте-ка за слесарем.

Дверь была отперта, и тут представилось еще более пищи удивлению Семена Семеновича. У стены стояло огромное зеркало в богатой раме; на одном столе большие бронзовые часы и подле них десятка два карманных. На другом столе в углу до самого потолка были наставлены одна на другую разные вещи. У левой стены рядом стояли шкаф и комод. В шкафе квартальный увидел несколько енотовых, собольих и куньих шуб, лисьих салопов, шинелей с бобровыми воротниками и множество других богатых одежд. В комод – несколько дюжин ложек, столовых и чайных, несколько серебряных сервизов и, наконец, множество колец, цепочек, перстней, алмазных и бриллиантовых.

– – Оказия за оказией! – сказал квартальный.

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

- - Ведь рехнувшийся-то, говорят, был ростовщик,- сказал писец.

- - Та-та-та! Вот что... пишите всё.

Когда все вещи были описаны, квартальный выдвинул ящик и нашел там бумаги...

- - Пишите: формуляр, расписки, числом десять... а это что? - сказал квартальный, рассматривая какое-то письмо.- Прочтем.

И он стал читать: "Я решила лучше умереть, чем жить с тобою. Ты, верно, этому рад, но вспомни, что ты рано или поздно должен отвечать за мои муки там, где мы снова увидимся. Прощай! Завтра меня не будет на свете... Сын наш останется на жертву сиротства и нужды, но я лучше решаюсь верить судьбу его неизвестному человеку, чем тебе. Ты никогда об нем не узнаешь ничего: я положила на грудь его медальон с нашими портретами, чтоб он хоть чем-нибудь мог вспомнить свою бедную мать, но я скрыла происхождение его и даже имя... Повторяю, ты никогда не узнаешь ничего об нем: вот единственная месть, которую я решила заплатить тебе за все мои мучения..."

- - Опять курьез! - произнес квартальный, свертывая письмо.- Не понимаю, ничего не понимаю!

- - Что же писать прикажете?

- - Ну пишите: письмо, писанное рукою, неизвестно кому принадлежащее... Скорее кончайте...

Скоро опись была кончена; к вещам приложили печать, и квартальный отправился к приятелю перехватить и потолковать о том, каких чудес иногда в их звании видеть ни случается.

Комментарии

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1841, 1 и 4 марта, № 25 и 26, с. 97-104, с подзаголовком: "Рассказ Н. Перепельского".

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V.

Автограф не найден.

Сюжет, положенный в основу рассказа,- история потерянного (пропавшего) и случайно найденного ребенка. Сюжет этот, известный с древнейших времен, был особенно популярен в литературе романтизма. Некрасов неоднократно использовал его в начале 1840-х гг.: "Сказка о царевне Ясносвете" (1840), "Жизнь Александры Ивановны" (1841), отчасти "Повесть о бедном Климе" (1843). В. Е. Евгеньев-Максимов отмечал: "Образ ростовщика, открывающий длинную галерею подобных же образов в творчестве Некрасова, производит яркое и сугубо отталкивающее впечатление. Чувствуется, что за ним стоит живая натура. Ведь Некрасову тех лет не привыкать стать было пользоваться услугами ростовщиков" (Евгеньев-Максимов, т. I, с. 269). Литературный источник "Ростовщика" - роман Ч. Диккенса "Жизнь и приключения Николаса Никльби" (рус. пер.- 1840) - установил М. М. Гин (см.: Гин М. М. Диккенсовский сюжет у Некрасова.- В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 136-139). Дальнейшую разработку сюжет о ростовщике, разорившем и погубившем своего единственного сына, получил в романе Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой (Н. Станицкого) "Три страха света" (1848-1849). В комедийном плане тема взаимоотношений ростовщика с дочерью раскрыта в водевиле Некрасона "Петербургский ростовщик" (1844).

С. 128. ...книга о переложении ассигнаций на серебро...- В 1841 г. вышли книга У. Карновича "Карманная книжка для скорейшего расчета ассигнаций на серебро, монеты золотой, билетов депозитных и всех российских и иностранных монет на серебро и ассигнации, от полукопейки до миллиона рублей" (четвертым изданием), "карманые таблицы для легкого переложения и расчета ассигнаций на серебро и серебра на

Ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru ассигнации...", составленные Щ., "Памятная книжка для бумажника" и другие справочники. Они были необходимы, так как курс ассигнационного (бумажного) рубля колебался. К 1843 г., когда проводилась денежная реформа и ассигнации заменялись кредитными билетами, ассигнационный рубль соответствовал 27 1/2 коп. серебром.

С. 128. ...шинелью горохового цвета...- фразеологизм "гороховое пальто" иносказательно обозначал лицо, связанное с полицией. Упоминание шинели горохового цвета здесь, возможно, указывает на то, что ростовщик был мелким сыщиком. Ср. у Салтыкова-Щедрина в "Современной идиллии": "- Извольте повторить, что вы сказали! - Мы обернулись: в дверях стояло гороховое пальто. <...> В одну секунду мы потушили свечу и, шмыгнув мимо непрошеного гостя, очутились на улице" (Салтыков-Щедрин, XV, с. 180).

С. 128. ...медвежьи галоши...- обувь, надеваемая поверх башмаков или сапог от холода, сырости или грязи. В XIX в., до появления резиновых галош, их шили из кожи.

С. 131. ...до чина титулярного советника.- Титулярный советник - чиновник 9 класса по действовавшей в дореволюционной России петровской табели о рангах.

С. 134. Франц был бледен как полотно...- Поспешность (или небрежность) автора при работе над рассказом проявилась в том, что в газетной публикации герой здесь назван не францем, а фрицем (исправлено в настоящем издании).

С. 136. ...я буду платить кормовые деньги.- См. комментарий на с. 547.

С. 142. ...не делаю фальшивых депозитных билетов...- Депозитный билет - бумажный денежный знак, размен которого на звонкую монету обеспечивался особым металлическим фондом.

С. 143. ...чиновника 9 класса...- т. е. титулярного советника (см. выше).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovniko1ai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!